

УДК 81-25

ИНТЕРЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ДОВОДОВ К ПАФОСУ

© Алексей Штеба

INTER-GENRE PARTICULARITIES OF ARGUMENTS FOR PATHOS

Alexey Shteba

The article deals with the inter-genre specificity of oral speech violations and inclusions of elements or speech genres of everyday communication in situations of official communication. We analyze communicative intentions of speakers who aim to realize elements of an intimate communication in inappropriate situations. The arguments for pathos (such manipulative tactics as self-falsification, positive self-presentation, intimidation of communication, actualization of a low degree of participation in the situation, assurances of sincerity and incorporation of certain elements from the intimate communication genre in the official speech genre of interrogation – a heart-to-heart talk) are considered as an attempt of the speaker to focus on the interlocutor and trigger a response aimed at further positivization of their communication, gaining favor and convincing the partner that the communicated information is relevant and true. An attempt to make the speech more emotionally charged helps to understand a hidden intention of the speaker to influence the conversational partner. These theses are based on real communicative situations of forensic psycho-linguistic expertise.

Keywords: inter-genre, arguments for pathos, self-falsification, positive self-presentation, intimidation of speech, assurance of sincerity.

В статье рассматривается проблема интержанровости на примере нарушений тональности официально-делового общения и включения в него элементов или целых речевых жанров бытового общения. Анализируется вопрос коммуникативных намерений говорящего, пытающегося реализовать элементы доверительного межличностного общения в ненормативной для этого коммуникативной среде. Доводы говорящего к пафосу (в отличие от аргументов, апеллирующих к логосу или этосу) рассматриваются как попытка адресанта установить положительный эмоциональный контакт с собеседником, расположить к себе разговорного партнера, убедить его в искренности сообщаемых ему сведений. В качестве используемых говорящим доводов к эмоциональной памяти и чувствам собеседника характеризуются такие манипулятивные приемы, как самофальсификация, положительная самопрезентация, интимизация общения, актуализация низкой степени личного участия в произошедшем, заверения в искренности. Также анализируется показательный случай инкорпорирования в речевой жанр допроса элементов речевого жанра «разговора по душам». Подобная коммуникативная тактика говорящего представляет собой попытку ориентации на собеседника и вызова в нем ответной реакции, направленной на дальнейшую позитивизацию общения. Постулируемые тезисы аргументируются и подтверждаются примерами из практики производства судебных психолого-лингвистических экспертиз.

Ключевые слова: интержанровость, доводы к пафосу, самофальсификация, положительная самопрезентация, заверения в искренности, интимизация.

В основе нарушений жанровой организации следственного действия и мене регистра коммуникативного взаимодействия допрашиваемым лицом лежит понятие скрытого психологического воздействия или манипуляции. Большинство манипулятивных приемов основано на экспрессивизации повествования и эмоционализации высказываний. А поскольку целью манипуляции является воздействие на адресата, эмоциональность речи манипулятора способна облегчить процесс суггестии. Значим феномен идентификации с собеседником, что не предполагает жанр

официально-делового общения по сравнению, к примеру, с доверительной межличностной коммуникацией.

Допрос определяется как «получение (в порядке, установленном законом) уполномоченным должностным лицом правоохранительных органов информации об обстоятельствах, подлежащих установлению, от указанных в законе лиц, ее фиксация в протоколе следственного или судебного действия, в приложениях к протоколу. В уголовном процессе представляет собой следственное действие. Различаются допрос подозре-

ваемого (обвиняемого), свидетеля, потерпевшего» [Большой юридический словарь, с. 251]. Целью допроса является объективное, всестороннее и полное выяснение обстоятельств расследуемых событий. В связи с данной целью характер коммуникативной интеракции следователя и допрашиваемого лица ограничивается обменом фактуальных сведений о произошедшем. Привнесение же эмоциональной информации, нарушающей конвенциональные рамки данного речевого жанра, представляет собой определенный смысловой пик, который имеет особую значимость при выявлении коммуникативного намерения собеседника.

Механизм нарушения нейтральной тональности общения во многом соответствует манипулятивному приему смещения фактов и мнения [Копнина, 2008, с. 62–65], при котором в большинстве случаев подается цитата как деперсонализованная по отношению к манипулятору единица, но она снабжается персональным комментарием манипулятора в том ключе, в каком это ему выгодно. Субъективный фон становится основой для воздействия на адресата. Прием экспрессивизации доминантно нейтральной тональности общения приводит к тому, что, во-первых, та информация, которая не была эмоционально-оценочной, рассматривается как объективная и соответствует необходимому «информационному рациону» (по Г. А. Копниной), а фокус внимания коммуникативного партнера смещается на эмоционально-оценочную часть повествования. Адресат потенциально реагирует на подобные высказывания как на представляющие особую значимость для говорящего и переключает внимание именно на данную часть повествования, чего и добивается манипулятор.

Эмоционализация речи рассматривается как избыточное действие говорящего применительно к жанровым рамкам допроса. Отметим, что информационная насыщенность определяется как общее количество информации, содержащейся в тексте. При этом информация должна быть новой, что делает ее прагматически релевантной. Поэтому информационная насыщенность текста снижается, когда информация повторяется [см.: Валгина]. Эмотивность является самостоятельной и обязательной категорией языка, для ее актуализации говорящему необходимо приложить дополнительные усилия, которые сопровождают усилия, затрачиваемые на сообщение фактуальной информации. При условии, что эмоциональная информация не является уместной и необходимой в ситуации следственного действия при изложении обстоятельств расследуемых событий, повествование говорящего становится более

«напряженным». Н. С. Валгина использует термин информационной напряженности в значении высокой представленности в тексте имплицитной информации. В контексте эмоционализации речи напряженность повествования говорящего представляет собой показатель сложности нарратива скрытой целью [Валгина, с. 143].

Результатом эмоционализации речи является интимизация повествования, что также представляет собой один из манипулятивных приемов и не противоречит высказанному ранее тезису о манипулятивной природе исследуемой коммуникативной тактики ухода от ответа или сообщения ложных сведений. Путем интимизации повествования говорящий скрыто побуждает адресата принять данную модель поведения и тем самым увеличить уровень доверительности общения.

Частотным способом интимизации является коммуникативная тактика игрового признания вины. Игровой характер обусловлен тем, что говорящий намеренно признает за собой нарушение одной из максим общения – качества информации, но делает это с помощью использования нетипичного для употребления в 1 л. ед. ч. изъявительного наклонения перформативного глагола говорения *врать*. З. Вендлер указывал, что данный глагол и подобные ему преувеличивают то социально осуждаемое действие, которое они означают, поэтому их употребление выполняет своеобразную оборонительную для говорящего функцию, поскольку выбор формы речевых действий не конвенционален, сам глагол «подрывает» речевой акт [Вендлер, с. 244–249]. Функциональный потенциал использования анализированных глаголов в указанной форме достаточно полно представлен в статье О. А. Ковш, которая приводит следующие причины употребления данных перформативов в нетипичных вербальных «упаковках»: 1) понижение самооценки коммуникативного партнера; 2) демонстрация говорящим своего превосходства; 3) заглаживание своей вины; 4) автокоррекция (со ссылкой на А. А. Романова) [Ковш, с. 74–75]. Если в художественном дискурсе спектр функций использования перформативов *лгать*, *врать* обширен, то в устной спонтанной речи наиболее рекуррентным является употребление глагола *врать* для автокоррекции:

(1) *Допрашиваемый: Не помню какой. 91-ый год был, наверно. Может 90-ый, может 91-ый. √√ (Отмахивается рукой). Вру. Это, наверно, был год √ 93-ий год, наверно, или конец 92-ого, 93-ий. √ 92-ой может быть год. Не могу точно сказать.* (Здесь и далее в качестве иллюстративного материала используются текстовые рас-

шифровки следственных действий, полученные нами в ходе практики проведения судебных психолого-лингвистических экспертиз. Фамилии и инициалы участников коммуникативных ситуаций, используемые ими обращения изменены – А. Ш.)

Из приведенного примера видно, что кодификация говорящим ложного сообщения происходит не только на вербальном уровне (употребление перформативного глагола *врать* в 1 л. ед. ч. изъяв. накл., актуализация вероятностной модальности высказываний, общеотрицательные высказывания), но и на невербальном уровне (*мах рукой*). Данный иллюстративный жест [Крейдлин, с. 117–119] выполняет запретительную функцию, призывает адресата не обращать внимания на сообщенные ранее сведения, «перечеркивает» их значение.

(2) *Допрашиваемый: Вот смотрите, опять же, да? То есть я Вам могу сказать, я вот точно не могу щас вспомнить, где это происходило.*

Защитник: Так и отвечай.

Допрашиваемый: А обманывать я не хочу.

В этом примере допрашиваемое лицо verbalизует свое коммуникативное намерение, которое становится известным иным участникам следственного действия. Говорящий оказывает воздействие на собеседника в форме прямых побуждений, ориентированных на контроль внимания собеседника, псевдовопросов или эмоциональных вопросов, в которых не содержится компонента «незнание», в получении информации от слушающего говорящий не нуждается [Санников, с. 530–531]. При этом допрашиваемый прямо не отрицает своей осведомленности о запрашиваемых у него сведениях, но указывает на то, что с уверенностью он это утверждать не может. В результате, он создает о себе образ честного человека, несущего ответственность за содержание своих высказываний, что и подкрепляет далее прямым указанием на свою порядочность.

Таким образом, прием самофальсификации и выполняющий преимущественно игровую функцию прием положительной самопрезентации служат цели установления с адресатом более высокой степени доверительности общения, позволяют оптимизировать коммуникативную среду, в которой протекает коммуникативное взаимодействие.

Речевой жанр допроса является жестко формализованным. Показателями этого выступают количество и статус участников общения, регламентируемый порядок производства следственного действия, очередность участия в следствен-

ном действии коммуникантов, преобладание официально-делового стиля общения, наличие формальных ограничений на форму речевых сообщений (например, не приветствуется использование нецензурной лексики) и т. д. При этом отношения между собеседниками в ходе допроса являются нейтральными: это лица, имеющие разный институциональный статус и, следовательно, различные функциональные полномочия, когда, например, допрашивающее лицо реализует распорядительную функцию, предоставляет допрашиваемому право высказать свою точку зрения. Если допрашиваемое лицо прибегает к коммуникативной тактике заверения в искренности, являющейся частью более разнообразной по количеству приемов стратегии положительной самопрезентации, на уровне стилистической и жанровой норм коммуникативной ситуации допроса возникает, так называемое, смешение стилей [Копнина, 2012, с. 437]:

(3) *Допрашивающий: Он во что был одет?*

Допрашиваемый: Честное слово, я не помню, как одет.

В представленном примере допрашиваемый использует оператор прибавления, в результате чего создается отклонение от стилиевой нормы общения. Данный прием заверения в искренности говорящим конкретизирует общеотрицательное высказывание и кодирует скрытое намерение адресанта убедить адресата в своей искренности.

(4) *Допрашиваемая: Не помню. Анна Андреевна, я вот Вам совершенно честно всё, что вспомнила, всё рассказала. Я даже не помню, сколько объектов было. Вот за квартиру, да, вот за эту Школьную, вот видите, я собрала пакет документов. Но это я для себя собирала, потому что я готовилась ну в смысле к сделке, когда она предложила. Я проверяла чистоту ее. Остальные объекты меня вообще не интересовали. Она предложила, я купила.*

В примере 4 допрашиваемое лицо реализует целый комплекс коммуникативных тактик суггестивного воздействия на собеседника с целью убеждения адресата в своей искренности. К таким тактикам относятся интимизация повествования (говорящая обращается к собеседнице по имени и отчеству, использует контактоустанавливающие реплики), интенсификация сообщений (в форме использования усилительных частиц и качественных наречий), актуализация низкой степени личного участия в описываемых событиях. Аналогичный представленному в примере 3 оператор прибавления усиливается допрашиваемым лицом путем использования качественного наречия *вообще*.

(5.1) Допрашиваемый: *Я даже не могу, честно, сказать, сколько времени это было.*

(5.2) Допрашиваемый: *Да, честно, я щас не могу ничё вспомнить.*

(5.3) Допрашиваемый: *Я вспомнить, честно, не могу.*

(5.4) Допрашиваемый: *Нет. Там... Ну она такая как бы была асфальтовая. Мы перед домом остановились. Там перекресток, вроде, что ли какой-то был. Ну я не... это не помню я вообще, честно.*

В представленной серии примеров интерес привлекает порядок расположения лексического маркера искренности в высказываниях говорящего. В примерах 5.1 и 5.2 наречие со значением правдивости инкорпорируется в высказывание, нарушается порядок слов, разрывается потенциальное синтаксическое целое. В примере 5.2 наречие *честно* располагается в препозиции высказывания, что соответствует позиции ремы для устной спонтанной речи [Харченко, с. 43]. В примере 5.4 наречие *честно* находится в постпозиции, когда говорящий демонстрирует активные попытки ответить на поставленный вопрос, затем утвердительная модальность сменяется на вероятностную, вводятся маркеры аппроксимативности, чтобы в конечном итоге указать на полное незнание и невозможность вспомнить те сведения, которые интересуют допрашивающего. Наречие *честно*, несмотря на постпозицию, находится в сильной позиции, что обуславливает интонационное выделение в звучащей речи данной лексической единицы.

Далее рассмотрим яркий пример интержанровости, когда в речевом жанре вопроса допрашиваемый прибегает к жанру межличностного доверительного общения. В ходе обсуждения событий произошедшего Иванов И. И. частотно акцентирует внимание на косвенной теме поиска продуктов, пригодных для использования в качестве собачьего корма, в мусорных контейнерах:

(6.1) Допрашиваемый: *Я там, простите меня за выражение, еле успел из помойки выскокить. (...) Не сколько гулять, сколько собирать помойку – корм для собак. <...> Потому что я на... первоначально не давал такие показания, что помойку собирал. (...) Ну нет, мне не хватало этих денег, поэтому я ходил по помойкам, собирал √ для животных, когда я когда их кормить нечем было.*

Говорящий указывает на то, что ему неудобно и стыдно обсуждать данные обстоятельства, информацию о которых, однако, допрашивающее лицо у него не запрашивало:

(6.2) Допрашиваемый: *<...> Я еще там... стыдно было, что... соврал, что в охране <не-*

разборчиво>. (...) Но об этом знал только, в принципе, я один, потому что я пакеты отвозил вот. √ Я эти пакеты никому не показывал. Мне было и стыдно и перед своими, и, тем более, чтобы, не дай Бог, там и соседи увидели или √ бывшие коллеги – ну кто-то знакомый.

Иванов И. И. самостоятельно инициирует данную тему. Модель его речевого поведения соотносится с конститутивными особенностями речевого жанра разговора по душам, для которого характерны следующие условия: искренность говорящего, как правило, сообщаемого неожиданную для собеседника информацию, обладающую субъективной значимостью для него; разговор «начистоту» предполагает кульминацию доверительного общения. Представленные примеры соответствуют понятию коммуникативного пессимизма, свойственного данному речевому жанру, когда откровенность участника общения подразумевает то, что он делится чем-то плохим и это становится условием сближения с собеседником [Дементьев, с. 310–317], поскольку демонстрируемая доверительность одного коммуниканта конвенционально должна вызвать аналогичное отношение / состояние другого участника общения.

Иванов И. И. интенционально нарушает дискурсивные нормы институционального общения в рамках следственного действия и актуализирует элементы, свойственные ситуациям доверительной межличностной коммуникации. Таким образом, говорящий пытается уйти от обсуждения интересующих допрашивающее лицо вопросов и, одновременно с этим, расположить его к себе, вызвать у него сопереживание.

Теоретический анализ специфики некоторых особенностей откровенной коммуникации [Панченко, Наумова, с. 108] показывает, что подобный разговор «по душам» должен быть непубличным, происходит, как правило, между двумя лицами, отношения которых характеризуются высокой степенью доверительности; основная тема подобного разговора посвящена личным переживаниям. В откровенном разговоре основные роли выполняет закрытая группа лиц, зачастую, это два участника: доверитель и конфидент или адресат. Предлагается разграничивать активную и пассивную роли конфидента. Применительно к ситуации следственного действия в роли конфидента выступает допрашивающее лицо, которое преимущественно занимает пассивную позицию, отличается минимальным участием в разговоре; он ограничивается тем, что выслушивает доверителя, но не выражает сочувствия. Это разительно отличает ситуации доверительного межличностного общения от ситуаций

официально-деловой коммуникации. В доверительном общении говорящий намерен раскрыть свои переживания и тем самым облегчить свое эмоциональное состояние. Целью допрашиваемого лица, актуализирующего элементы доверительного общения в ситуации следственного действия, является манипуляция поведением собеседника, вызов ответной реакции, принуждение поддаться навязываемой тактике, оптимизировать тональность коммуникативного взаимодействия.

В доверительной межличностной коммуникации важны личностные качества конверсионного партнера, который сохранит и не предаст огласке доверяемые ему сведения [Там же, с. 107]. В случае интержанровости, когда в ситуацию официально-делового общения вводятся элементы доверительной коммуникации, у говорящего отсутствует ориентация на адресата. Другими словами, адресанту не важно, какими личностными качествами обладает его коммуникативный партнер. Обнаруживаемое нарушение конвенциональных коммуникативных установок выявляет намерение говорящего воздействовать на собеседника. В своей статье Н. Н. Панченко и М. М. Наумова указывают на выделенную особенность, когда «стимулирование откровенности адресанта может быть мотивировано <...> реализацией (говорящим – А.Ш.) собственных, корыстных целей» [Там же, с. 110].

Таким образом, проведенный анализ особенностей коммуникативного поведения допрашиваемых в ходе следственных действий показал, что использование ими в речи доводов к пафосу, которые, в отличие от доводов к логосу или этосу, апеллируют к чувствам и эмоциональной памяти собеседника, являются манипулятивными приемами воздействия на допрашиваемого. Цель манипуляции заключается в убеждении допрашиваемого лица в искренности говорящего. На уровне реализаций данной стратегии наиболее частотными являются тактики интимизации повествования, положительной самопрезентации и самофальсификации. Доводы говорящего к пафосу в ситуациях следственного действия приводят к явлению интержанровости общения, которая, впрочем, является только формальной, когда в плане содержания адресант пренебрегает категориальными ограничениями на ситуации доверительного межличностного общения.

Список литературы

Большой юридический словарь / А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских. М.: Инфра-М., 2003. 582 с.
Валгина Н. С. Теория текста. Москва: Логос, 2003. 173 с.

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 238–250.

Дементьев В. В. Разговор по душам // Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. С. 305–339.

Ковш О. А. Самофальсификация как выражение недоверия // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы): в 2 ч. Минск: РИВШ, 2006. Ч. 1. С. 73–76.

Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта, 2008. 176 с.

Копнина Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка. Опыт системного описания. Монография. Изд. 2-е. М.: Флинта, 2012. 576 с.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

Панченко Н. Н. Наумова М. М. Особенности коммуникативного поведения конфиданта в ситуации откровенного разговора // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 106–111.

Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.

Харченко В. К. Современная повседневная речь. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 184 с.

References

Bolshoi iuridicheskii slovar [Big Dictionary of Law]. (2003). / A. Ia. Sukharev, V.E. Krutskikh. 582 p. Moscow, Infra-M. (In Russian)

Dement'ev, V. V. (2010). *Razgovor po dusham* [A Heart-to-Heart Talk]. Dement'ev V. V. Teoriia rechevykh zhanrov. Pp. 305–339. Moscow, Znak. (In Russian)

Kharchenko, V. K. (2012). *Sovremennaia povsednevnaia rech* [Modern Everyday Speech]. 184 p. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM». (In Russian)

Kopnina, G. A. (2008). *Rechevoe manipulirovanie* [Manipulation in Speech]. 176 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

Kopnina, G. A. (2012). *Ritoricheskie priemy sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka. Opyt sistemnogo opisaniia* [Rhetorical Methods in Modern Russian Literary Language]. 576 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

Kovsh, O. A. (2006). *Samofalsifikatsiia kak vyrazhenie nedoveriia* [Self-Falsification as a Means to Express Distrust]. Russkii iazyk: sistema i funktsionirovanie (k 80-letiiu professora P. P. Shuby): v 2 ch. Ch. I. Pp. 73–76. Minsk, RIVSh. (In Russian)

Krejdlin, G. E. (2002). *Neverbalnaia semiotika: iazyk tela i estestvennyi iazyk*. [Non-Verbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. 592 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Panchenko, N. N. Naumova, M. M. (2015). *Osobennosti kommunikativnogo povedeniia konfidanta v situatsii otkrovennogo razgovora* [Features of Confident's Communicative Behaviour in the Situations of a Heart-to-

Heart Talk]. Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik, 2015, No. 2, pp. 106–111. (In Russian)

Sannikov, V. Z. (2008). *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [Russian Syntax: Semantic and Pragmatic Approaches]. 624 p. Moscow, Iazyki slavianskikh kultur. (In Russian)

Valgina, N. S. (2003). *Teoriia teksta* [The Theory of Text]. 173 p. Moscow, Logos. (In Russian)

Vendler, Z. (1985). *Illokutivnoe samoubiistvo* [Illocutionary Suicide]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 16. Lingvisticheskaia pragmatika*. Pp. 238–250. Moscow, Progress. (In Russian)

The article was submitted on 18.08.2016

Поступила в редакцию 18.08.2016

Штеба Алексей Андреевич,
кандидат филологических наук,
доцент,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
400066, Россия, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27.
alexchteba@yandex.ru

Shteba Alexey Andreevich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Volgograd State
Socio-Pedagogical University,
27 V.I. Lenin Avenue,
Volgorad, 400066, Russian Federation.
alexchteba@yandex.ru